

Анна Тотти

ЗАБУДЬ МЕНЯ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ

СМС-история

Анна Тотти

**Забудь меня, если
сможешь. СМС-история**

«Издательские решения»

Тотти А.

Забудь меня, если сможешь. СМС-история / А. Тотти —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931801-5

Иногда лучше оставить любовь на этапе переписки, писать друг другу
бесчисленные сообщения, мечтать о встрече... Потому что сохранить ее,
находясь рядом, бывает очень сложно.

ISBN 978-5-44-931801-5

© Тотти А.
© Издательские решения

Забудь меня, если сможешь СМС-история

Анна Тотти
Шембергер Мария

© Анна Тотти, 2018

© Шембергер Мария, 2018

ISBN 978-5-4493-1801-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается И. С. В.

«У меня заняло много времени, чтобы написать тебе ответ. Отчасти оттого, что навалилось много работы, но еще и потому, что это было очень жесткое время для меня. Я надеялся, что в тишине, без переписки с тобой, мне удастся совладать со своими чувствами. Но ничего не вышло, стало только хуже. Может быть, ты что-то посоветуешь?» – написал Дан 4 апреля.

Это был вольный перевод с английского его письма. Мне хотелось плакать. Я чувствовала после расставания с ним то же самое.

1

Весна. Апрель. В Питере начало появляться солнце. После серой зимы это настоящий праздник увидеть как сначала поднимается небо, прорывается местами бледная голубизна, потом в разрывы истончающихся туч выглядывает насыщенная синь. Просветы увеличиваются, облака становятся жемчужно-белыми, приобретают форму, разбегаются в стороны, и тысячу лет пропадавшее солнце расцветивает все вокруг. И настроение тоже.

Вчера мне исполнилось 26 лет. Ухнуло двадцать шесть, упало, как снег на голову. Знаешь, что никуда от этого не денешься, но каждый раз прибавление еще одного года к уже имеющимся обескураживает и напрягает. У моей подруги Лизки, приближение дня рождения – в конце августа – вызывает почти истерику. «Я не буду это отмечать. Я перешагну из вчера в завтра и ничего не замечу. Я еще не готова стареть!» – паникует она. Наверное, я, с ее точки зрения – двадцатипятилетней девушки – почти старуха.

Что остается делать в таком возрасте? Читать письма и вспоминать прошлое)

«Перечитывая сообщения, которые я получил после твоего отъезда, я особенно остро ощущаю наш разрыв. Скучаю по нашим разговорам, по тебе. Но, знаешь, я до сих пор злюсь из-за того, что ты не захотела принять мою помощь. Тогда, возможно, все было бы по-другому... Эти злые мысли не то, чтобы направлены против тебя, но они постоянно вертятся в моей голове, и мне нужно время, чтобы от них избавиться».

Пятого числа Дан не поздравил меня. Я ждала весь день его звонка или сообщения. Напрасно. Мне было горько. Почему мы так безжалостно мучили друг друга?

«Ну, е-мое, с днем рождения, что ли, – написал добрый друг Миша, – Желаю найти свое место в жизни. И побольше детей). Дети – это же счастье».

Счастье, угу... Как оно выглядит?

Мне кажется, что еще совсем недавно давление возраста не было таким ощутимым. Наверное, потому, что до двадцати пяти лет ты... Нет, не ребенок, конечно, но пребываешь в поре юности, что ли. На любой вопрос ты можешь отмахнуться: «Да ну, еще рано. Еще успею». А двадцать пять воспринимаются как первый перевал. Ты все еще молода, но уже не юна. Ты что-то уже должна выдать на-гора: институт, работа, семья. На тебя поглядывают с выжиданием, явно или неявно интересуются, чем из вышеперечисленного ты уже обзавелась, порой недвусмысленно намекают: хватит порхать, ходи по земле. Ты напрягаешься, исчезает легкость.

«Я думаю, что когда я снова в кого-то влюблюсь, моя злость поутихнет. А вообще, мне очень любопытно, что думает твой брат по поводу нашего разрыва. И твоя мама». Это опять Дан, его вчерашнее письмо.

Неплохо было бы затормозить время на двадцати пяти и остаться в этой прекрасной поре еще лет на шестьдесят. До восьмидесяти пяти, предположим. Ты уже не так наивна и неуверенна в себе, как в шестнадцать, но все еще легка. Легка-а-а! И мудра. И уже неплохо ориентируешься в этой жизни! И красива! И так год за годом, год за годом. Прекрасные двадцать пять!

Хотя, по моим ощущениям, самый веселый год получился, когда мне было двадцать. Все, что сегодня я ценю и чему радуюсь, появилось примерно в то время. Я начала серьезно заниматься танцами. Я училась в институте, и мне уже было комфортно в его стенах, потому, что меня окружали хорошо знакомые, а некоторые – почти родные люди. Я стала что-то понимать в психологии, которую изучала. Светлана Николаевна, наш ведущий преподаватель, уже крепко держала нас в своих объятиях, учила, направляла, лепила. Это позже мы, ее ученики, поставили эту чрезмерную опеку ей в вину, обозвав попыткой манипулирования, авторитарностью и пр., но тогда еще все было прекрасно, и авторитеты оставались незыблемыми.

«С днем рождения, Анна Игоревна! Надеюсь, вы остались такой же жизнерадостной, как два или три уже года назад. А, может, и четыре». Желая вам всего самого хорошего. Творческих успехов. Чтобы в жизни все складывалось так, как вы этого хотите. И чтобы вы никогда не грустили по пустякам.» – пришло сообщение от Полины, девочки из театральной студии. Я ставила им танец для спектакля.

Пока все было с точностью до наоборот: все складывалось не так, как я хотела. И я грустила по всяким пустякам, увы :(

Летом я уехала в Испанию. Почти дикарем. Кроме оплаченного перелета до Барселоны и обратно и нескольких дней запланированного проживания в Бильбао у Ойера, нового интернет-знакомца, у меня не было ничего: ни отеля в Барселоне, ни билетов на автобус до Бильбао. Денег тоже было в обрез. Я сэкономила, буквально, каждый евро. Но это было классное трехнедельное приключение, полное впечатлений и неожиданных встреч. Я жила в баскской семье Ойера, в большом красивом доме, стоящем во фруктовом саду. Ойер обожал меня. Он так старался наполнить незабываемыми впечатлениями каждый мой день у него, что порой мне становилось совестно. Мы объездили с ним почти все северное побережье Испании. Здесь я впервые увидела океан, именно океан, не море. Я ощутила его мощь, энергию его волн, захлестывающих берег.

Я познакомилась с друзьями Ойера, его чудесной восьмидесятилетней бабушкой, сестрой и родителями. Все были очень милы со мной. С Ойером мы остались друзьями. До чего-то большего дело не дошло, может быть, потому, что за неделю до этого, в Барселоне, я встретила одного человека, который до сих пор вспоминается, как сон. Он стал моим первым испанским впечатлением и невольно оказал влияние на все последующие встречи.

«С днем рождения. Моря счастья, высоких прыжков и легких ног», – написала приятельница с ирландских танцев. Это было замечательное пожелание. Она знала, о чем говорит.

Мне было тогда двадцать лет.

Может быть, это свойство круглых дат – быть запоминающимися, не всегда со знаком плюс, но и не безликими, что канут в поток лет без следа.

Я хорошо помню свои десять и пятнадцать лет.

В десять наша семья переехала в Израиль, и вся моя жизнь перевернулась с ног на голову. Дома остались друзья и подруги, привычная жизнь и понятные взаимоотношения. На новом месте – стычки с аборигенами, проблемы с общением, новые друзья. И свобода! Какая там была свобода! Носиться на велосипеде по белоснежному, примостившемуся на сопках Ариэлю, загорать до черноты возле городского бассейна, нырять и плавать хоть целый день.

В пятнадцать лет жизнь моя была сложна и совсем не лучезарна. Наша семья вернулась в Россию, потому что в Израиле в те годы было неспокойно. Террористы-смертники подрывали себя на остановках, в автобусах, на бензоколонках и в магазинах. Родители нервничали, начали подумывать об эмиграции в третью страну, куда-нибудь в Австралию или Канаду. В конце-концов решили вернуться домой, в Питер, к бабушкам-дедушкам, тетушкам-дядюшкам, в свою квартиру.

В тот период я была усталой, нервной анорексичкой с кучей комплексов, без друзей, в новой школе и без малейшего представления о собственном будущем. Сейчас я понимаю, что та школа была замечательной, и что меня окружали классные ребята, и что из этого можно было выудить для себя гораздо больше, чем я решилась или смогла.

В двадцать два я окончила институт, а значит, этот год прибавил мне одну вещь, саму по себе бесполезную, если бы за этим не стояли пять лет усердной, и не очень, учебы, новые знакомства и новый социальный статус. Я была теперь дипломированным специалистом – психологом-консультантом, но без опыта работы. А значит, имела то, что никому не было нужно. Вся наша группа была в том же положении. Никто не знал, куда податься. Работать? Учиться дальше? Все равно, что стоять на оживленном перекрестке и крутить головой во все стороны, стараясь вписаться в его сложное, но имеющее свои законы, движение. Хорошо, что в то время у меня уже сформировалась устойчивая любовь к хореографии, и была группа девочек, у которых я вела ирландские танцы. Хоть что-то незыблемое. Эти небольшие островки стабильности порой спасают.

В январе того года мы съездили в Париж. Мы бродили до ломоты в спине по улицам этого прекрасного монстра, отдыхали на деревянных скамьях готических соборов, вечерами там же слушали орган. Мы засыпали и просыпались под колокольный звон собора Св. Екатерины, к стене которого был прилеплен шестиэтажный дом, и в нем – малюсенькая комнатка, в которой мы жили. Она же спальня, кухня, столовая, душ и уборная. Все – на девяти квадратных метрах зато с небольшим садиком, сооруженном в каменном мешке на уровне второго этажа. В этот садик можно было попасть только через окна нескольких квартир, в том числе, и нашей. Мы так ни разу и не решились выбраться туда, не смогли посидеть на продавленном диване, поболтать с соседями и увидеть прямоугольник парижского неба над головой.

В двадцать три я сделала важный самостоятельный шаг в ирландских танцах, которыми занималась уже несколько лет, Наша студия «Орния» – мое любимое детище – присоединилась к школе тренера из Голландии Кэтрин Рэдмонд – «Redmond school of Irish dance». Это было очень круто! В тот год я несколько раз была в Голландии. Сначала путешествовала, потом – училась в школе Кэтрин вместе с ее учениками, чемпионами Европы.

Через год Кэтрин приехала к нам, в Петербург, на мастер-классы и учила уже моих девочек. Это было большое достижение. Настоящий звездный тренер занимался с моими ученицами. И она хвалила их!

В двадцать четыре были северо-восточная Италия и Таллин с его Певческим Полем и светлоголовой публикой. У эстонок восхитительный натуральный цвет волос – платиновый, чистый, без приевшейся желтизны. В рамках большого фестиваля в Таллине проходили два концерта, двух мировых звезд, которые изначально были неравнозначны для меня. Каррерас

или Элтон Джон? Я выбирала для себя, конечно, первого. Но, в результате, прониклась уважением к ответственному трудяге Элтону Джону и разочаровалась в великом Каррерасе, который, совершенно очевидно, берег голос.

Ну и, конечно же, Таллин. Этот город взял меня в плен сразу и навсегда. Он прекрасен в любое время года и в любую погоду. Он всегда разный и всегда желанный. Он как сказка: в нем всегда остается тайна, сколько бы раз ты не приезжал сюда.

А осенью того года, как случается у всех перелетных, мной овладел миграционный зуд, и произошло чудо, о котором я уже перестала мечтать. Я обнаружила в Берлине Академию танца, которую давно искала. Как я не наткнулась на нее раньше?

И я засобиралась в Берлин.

Если подумать – неплохие годы. Насыщенное время. Еще бы получалось использовать его по-полной. Да только кто может этим похвастаться... Но ощущение счастливого времени у меня осталось не от всех этих наполненных событиями лет. Почему? Разгадка нашлась на моем туалетном столике, стареньком, простого фасона, без излишеств. На нем уже давно висит короткое стихотворение Бродского, выщепленное где-то в непростой для меня час: «... когда любовью с нами нет, ... когда от холода горбат...» Добавить нечего. Вот он – рецепт счастья, вот она – необходимая его составляющая.

Любовь. И некоторые годы были отмечены ее нереальным светом. И это было счастье. Одно плохо, я еще не была готова к встрече с ним).

2

После дня рождения я заболела. Сидела дома, проклиная температуру, кашель и вынужденное одиночество. И еще не прошедшее разочарование и обиду. На кого? На себя и на него, наверное... Но все по-порядку.

В январе прошлого года я поехала в Москву. Для питерского жителя выбраться в столицу – целое событие. У меня есть дальняя питерская родственница, которая вот уже несколько лет мечтает посетить свою московскую тетушку и племянников, и никак не соберется это сделать. Давнее противостояние между двумя столицами тому виной, а, может быть, самодостаточность каждого города в отдельности.

В моем случае повод для посещения первопрестольной был чрезвычайно важным и не терпел отлагательства. Я серьезно готовилась к поездке в Берлин, в Академию танца. Обучение на подготовительных курсах Академии должно было продлиться около полугода. Учебную визу в российский загранпаспорт получить не так-то просто, а израильский загранпаспорт – даркон – позволяет жить и учиться в Берлине неограниченно долго.

В Москву я поехала со Славкой, товарищем по ирландским танцам, хорошим моим приятелем. Я его не звала, предвидя очереди в консульстве; он собрался сам – неожиданно, за один день, сказал, что ему хочется развеяться, встряхнуться, получить новые впечатления. Его можно понять: он недавно развелся с женой и переживал не самый лучший период в своей жизни. У него, конечно, непростой характер, но он большой молодец. Это точно. Его движение по жизни целенаправленно и осознанно, хотя, порой, и с неожиданными блужданиями, но жизнь ему интересна, и он честен в своих реакциях на ее повороты. В отношении меня Слава претендует на роль наставника, а возможно, и на что-то большее, но довольно тактично, без назойливости и перегибов.

Когда мы со Славой сели в московский поезд, было уже совсем поздно. На перроне толпился народ – все те, кто планировал прибыть в столицу рано утром. Теплое нутро вагона и предчувствие путешествия грели душу. За окном в свете фонарей падали снежинки, между островерхих крыш и башен стоящих вокруг вокзала домов висело грязно-черное, с беловатым налетом ночное питерское небо. Москва на завтра обещала минус пятнадцать.

Пока мы ждали отправления поезда, Слава рассказывал о работе, о дочке, с которой виделся в прошедшие выходные и которой подарил какую-то умопомрачительно-дорогую игрушку. Я слушала его и рассматривала людей на платформе.

– Ань, ты слушаешь меня? – потребовал он моего присутствия.

– Да. И я тоже хочу большого слона, как у Сони, – сказала я.

– Хочешь, я тебе куплю? – засмеялся Слава.

– Нет, что ты. Я пошутила. Это будет смешно: взрослая тетя с розовым слоном, – сказала я с сожалением.

Пискнул лежавший на столе телефон – пришла смска. В столь поздний час. Я взглянула на имя отправителя: ничего удивительного, для него самое время. Писал Эдик – товарищ по институту. Стиль и пунктуация не позволяли усомниться, что это он – экстравагантный друг Каджая. Эдик не выходил на связь несколько последних дней, и вот теперь дал о себе знать. Ничего особенного – поток сознания:

«Я был отключен какое-то время. Депрессия о смысле моего существования... Я понял, что не разберусь ни в чем, и вот думаю, надо ли продолжать докапываться до истины. Или просто плыть по течению =). Не пугайся. Так бывает... =) Я же художник... Ты мне нужна».

– Что-то важное? – спросил Славик.

Я махнула рукой.

Поезд тронулся, покатился сначала медленно, медленно, потом выехал за территорию станции и стал набирать ход. Вагон покачивало, снег бил в стекло, за окном во тьме проносился мимо, отступал во тьму, потом опять выныривал в свете фонарей большой город.

Пассажиры начали укладываться: поезд прибывал в Москву в начале седьмого, и за оставшиеся шесть с небольшим часов нужно было успеть выспаться. Проводница приглушила свет. Я лежала и думала, что ответить Эдику. Слава делал вид, что спит.

Эдику хотелось поговорить. На самом деле он – загадочная личность. Он грузин. Или еврей. Или и то, и другое вместе. Очень интересный человек. Он проучился с нами в институте три года, а потом ушел в творческий поиск, и выныривал время от времени – то художником, то коммерсантом, то научным работником. А, может быть, представителем инопланетян).

Эдик – худой, невысокий, темноглазый восточный красавец, с всегда аккуратной прической. В институте он одевался в широкие, на размер, больше, чем нужно, деловые костюмы. Наверное, чтобы скрыть худобу, и для большей солидности. Его обожали бы девушки, будь он чуть повыше, нарасти мускулатуру и приобрети легкость в общении и ненавязчивое чувство юмора. Но шутки его были слишком экстравагантны, и он не интересовался спортом, потому что день и ночь был занят поисками себя: он писал стихи, романы, картины маслом. Потом ему перестало хватать времени на учебу, и он забросил институт. У него появилась девушка, потом другая. Говорят, он чуть не женился на одной из них.

Сейчас ему нужно было излить душу и знать, что его услышали.

Я попыталась ответить Эдику, написала, потом исправила, переписала еще раз, боясь смутить или обидеть; наконец, отправила, но поезд несся сквозь тьму уже где-то среди полей и лесов, и смски застревали в порывах метели.

«Не люблю жаловаться =)), – писал Эдик. – Просто хотел посмотреть, что ответишь. Спишь уже, что ли =) Короче, я рад тебе) И не выдумывай по поводу общения) Я почти всегда на связи!»

Связи не было. Все, спать! Славка спал на верхней полке, отвернувшись к стене. Наверное, опять на меня обиделся. Это его перманентное состояние. За окном завывала метель. Спал весь вагон. Спать. Встретимся завтра в Москве.

У дверей израильского посольства толпился народ. Люди пришли заранее, чтобы занять очередь, и к девяти часам, к открытию заведения, успели замерзнуть и озлиться. Охрана профессионально, как это умеют делать израильские службы, фильтровала посетителей. Мы перемещались из одного отстойника в другой, в соответствии со списком в руках служащего, и в зависимости от наличия израильского паспорта. Славу отфильтровали на первом же этапе, еще на улице. Меня пропустили внутрь здания. Славка было взвился – за что такая несправедливость, но я сделала грустное лицо:

– Тебе хорошо, сейчас сядешь где-нибудь, не торопясь, попьешь кофе, – сказала я совершенно искренне.

Славик, осознав все плюсы своего положения, приободрился. Больше всего на свете он не любил чувствовать себя обделенным. Да, что тут говорить, я и сама сейчас с удовольствием расположилась бы где-нибудь за столиком и потягивала бы горячий, ароматный напиток. С корицей или мускатным орехом. Или с тем и другим вместе. Это вообще моя мечта: завтрак в симпатичном кафе возле дома. Мимо спешат на работу люди. Моя мечта сегодня материализовалась в Славкином исполнении. Ничего, будет и на моей улице праздник.

Через пятнадцать минут я получила от него жизнеутверждающее сообщение:

«Хомячу едрён кофе в „Кофехауз“. Как у тебя дела? Вошла? Примут без списка? Все хорошо?»

В этом был весь Слава: миллион вопросов, хотя расстались мы двадцать минут назад. И ожидание немедленного ответа. Ответить на эсэмэску я не могла – в посольстве просят не пользоваться телефонами. Слава расстроился. И обиделся. Короче, через двадцать пять минут после расставания мы опять были в ссоре.

«Ну, не хочешь отвечать – как хочешь. Я к ней со всей душой и нежностью, а она – попиной ко мне», – ворчал он.

Я молчала – посольство ведь, тем более, израильское. Здесь лучше никого не раздражать.

Армия не только в России осложняет жизнь молодого человека. Израильская армия грешит тем же, но, в отличие от российской армии, израильская интересуется и парнями, и девушками. Она уже на протяжении многих лет мечтает заполучить меня в свои ряды: и десять лет назад, когда мы с родителями возвращалась из Израиля в Россию, и сейчас. Но это совсем ничего не значит. Так сложилось.

Если быть до конца честной, то я всегда смотрела на израильские вооруженные силы с уважением и интересом. Там служит или уже отслужили многие мои хорошие знакомые. В израильской армии при желании можно научиться массе полезных вещей. За время службы можно заработать не только на учебу в университете, но и на большое путешествие по миру: многие после армии месяцами колесят по разным странам, забираясь в самые далекие и экзотические уголки. В израильской армии ты не чувствуешь себя бесправным чмошником; на все время службы тебе выделяется серьезное оружие, и ты отвечаешь за него головой днем и ночью. Гражданские смотрят на военнослужащих с теплотой, граничащей с любовью, даже если полусонный вояка тычет тебе в бок автоматом в переполненном утреннем автобусе.

Просто все это время я не была готова к службе, у меня были другие планы. Конфликт интересов, в результате которого я могла остаться без загранпаспорта международного образца, по которому тебя примет безоговорочно не только Евросоюз, но и – бери выше! – сама Великобритания, мать ее королеву! Потому сегодня нужно было выглядеть особенно убедительно.

Я все изложила. В письменной форме. На иврите основные данные, чтобы видели, с кем имеют дело, а причину – из-за сложности изложения – на английском языке. Женщина в окошке приветливо мне улыбнулась. Она меня почти любила. Я тоже любила всех, но ровно настолько, насколько этого требовало дело. Не более того. Документы – в окошко, квитанцию –

в сумку. Спасибо, огромное спасибо. Премного вам благодарна. Всего доброго. Все, все, все! Тем более, что Славик после кафе «почапал дальше», как он и сообщил в очередной эсэмэске.

Прощай посольство. Привет Москва. Привет, новая шапка – черная с серебряной нитью. Очень дорогая, но Слава настоял. Было и правда очень холодно в столице. Синоптики не обманули. Мы побродили по промерзшему городу, пообедали, поболтали. На Красной площади задувало так, что мы сочли разумным спрятаться в ГУМе. Прошлись по празднично светящимся отделам, в какие-то заглянули через стекло. Цены лишали уверенности. Все было очень дорого.

Пока мы гуляли по городу, а потом мчались на «Сапсане» в Питер, Славка, как настоящий военный, разрабатывал план борьбы с израильской армией, пытавшейся помешать мне получить столь необходимый документ. Я молча слушала, потому что была убеждена – победить израильскую армию невозможно. Не-воз-мож-но! Слава, конечно, великий стратег, но ему противостоит многолетний опыт сдерживания противника и отстаивания собственных интересов. Оставалось надеяться, что мои объяснения возымеют действие, и, хорошо бы, побыстрее: в начале февраля я собиралась выехать в Германию, в Берлин, на танцевальные курсы. И даркон был единственной возможностью официально оформить отъезд. С учебной визой у меня не складывалось никак. Виной тому – недостаток средств на банковском счете.

Слава, воодушевленный по-армейски ритмичным стуком колес, щурясь от яркого солнца, рассыпанного брызгами в мелькающих за окном сугробах и снежных шапках на деревьях, был неутомим и призывал к действию. Может быть, фиктивный брак с евреем? Или маленькая победоносная война? Или тайное, очень тайное! проникновение в штаб главнокомандующего? Мы хохотали, как ненормальные, вызывая недоуменные взгляды окружающих. Тепло и солнце творят с питерским жителем настоящие чудеса.

Но, нет и нет! Все, что могла, я сделала, считала я. Теперь нужно расслабиться и отдаться на волю судьбы. И плыть по течению. Слава негодовал.

А я поплыла себе. Тем более, что дел в это время навалилось невпроворот. Мы готовились к питерскому фешу – открытому городскому чемпионату по ирландским танцам. Через две недели мои девочки должны были порвать своих конкуренток. Вика впервые танцевала сложный для нее рил и заметно нервничала. Даша хорошо помнила свой танец, но не могла зависать в воздухе во время прыжка и каждый раз, приземляясь, тяжело проваливалась в пол, вместо того, чтобы парить над ним пушинкой. Катя была готова на все сто, но... Уверенность в себе! Где ее взять этой девочке? Все мои подопечные требовали пристального внимания и напряженной работы. Кроме того, я никак не могла решить, на кого я оставлю девчонок, когда уеду в Берлин.

4

«Давай встретимся. Я закажу столик в кафе. Посидим вдвоем. Ты и я»

Это был Эдик. У него сегодня день рождения. Я поздравила его утром. И вот теперь он хотел отметить это событие со мной.

«И чем же тебя порадовать при встрече?» – спросила я.

«Что-нибудь символическое», – написал Эдик.

«Что-то особенное?» – настаивала я.

«Особенное? Ну, может быть, поцелуй...»

Мой друг Эдик. Зачем я задала этот вопрос? Черт дернул меня за язык. Пыталась показаться оригинальной. Вот теперь думай, как выкручиваться из этой ситуации. Мой друг Эдик...

Я подумала: «Ну как я поеду? Он начнет ко мне клеиться, а я не люблю, когда ко мне клеятся мои друзья». И я не поехала в кафе. Это было жестоко. Наверное, он ждал. Сидел один за пустым столиком и поглядывал на часы. Потом встал и ушел...

Я не люблю это воспоминание.

5

Все проблемы разрешились в один день. Я позвонила в консульство в Москве, и мне сообщили, что можно приезжать за дарконом. Девочки успешно выступили на феше, а Лена, вместе с которой мы несколько лет занимались ирландскими танцами, согласилась присмотреть за ними, пока я буду учиться в Берлине.

«Живи, сохраняя покой. Придет весна, и цветы распустятся сами», – говорят китайцы. К сожалению «сохранять покой» у меня получается не всегда. Но цветы, все-таки, распустились. Аллилуйя!

Жизнь завертелась с чудовищной скоростью. Понимание происходящего и предстоящего приходило постепенно. Я ехала в Германию? Я ехала в Германию! Я ехала в Германию, о, ужас! Через пару недель я должна была оказаться в чужой стране, одна, почти без денег, но с надеждой их заработать и с большим желанием обучаться современному танцу в самом центре Европы. Готова ли я уехать из любимого города и жить вдали от родных и друзей? Я не была уверена в этом. У меня не было жилья в Берлине, и пока я даже представления не имела, как его найти.

Вот тут-то мне стало по-настоящему страшно.

Все жили своей жизнью – работали, учились. Славка занимался ремонтом машины и оформлял загранпаспорт. Эдик участвовал в выставке молодых художников со своими мрачно-новатыми полотнами. Лучшая подруга Лиза, полгода назад уехавшая в Москву, готовилась к свадьбе. Я должна была решиться. Или отказаться от этой затеи.

Ехать-не ехать... Если не поеду сейчас, потом буду жалеть. Говорят ведь, что жалеют не о том, что сделал, а том, чего не сделал. Хотя, я иногда жалею и о том, что сделала... В крайнем случае, всегда можно вернуться, если что-то пойдет не так, решила я в какой-то момент и вздохнула с облегчением.

Билет до Берлина был куплен. Вот, в-общем-то и все! Негде жить? Я оповестила о своей проблеме всех знакомых, и за неделю до отъезда фантастическим образом появилось жилье – квартира в уважаемом районе Берлина – Шарлоттенбург. Ее хозяйка, Олеся, была давнишней институтско-кавээновской знакомой моей двоюродной сестры Маши. Маша, хвала ей и слава, несмотря ни на что, частенько выручает нас в разных непростых ситуациях. У нее огромный круг друзей и знакомых. Олеся – одна из них – уже много лет жила в Германии, работала в крупной автомобильной компании и теперь уезжала на месяц в командировку. У нее была своя заинтересованность в квартиранте, но я об этом еще не знала.

Я прыгала до потолка от счастья: все складывалось! Я еду! За месяц я как-нибудь освоюсь в Немчине и найду себе какую-никакую квартирку или комнатку. Я была в этом убеждена.

За три дня до моего отъезда в Берлин Олеся, хозяйка квартиры, написала мне письмо, которое я с большим удовольствием перечитала несколько раз. Манера изложения выдавала человека, близкого к веселым и находчивым. Удивительно, но письмо нисколько не насторожило меня.

«Приятно заочно познакомиться :), – писала Олеся, — Моя квартира находится в престижном районе Charlottenburg, соседнем с Schöneberg, в котором расположена Ваша школа. Посмотрела по карте – это всего в шести километрах, добраться можно на автобусе или метро за полчаса. Рядом с домом знаменитый Kurfürstendamm, это самый центр западного Берлина. Вокруг невозможная красота, отличный шоппинг, куча продуктовых магазинов, кафе и ресторанов, четыре станции метро и несколько автобусных остановок, зоопарк, парк и чёрта в ступе. Быстро добраться куда бы то ни было вообще не проблема. Квартира однокомнатная, но большая, с ванной комнатой, кухней и высокими потолками. Это старый фонд. Она у меня очень уютная и ухоженная, я люблю порядок. Самое главное: в квартире живёт Васят. Но про него я Вам напишу отдельно, когда договоримся принципиально».

Это была большая удача – квартира в центре и практически бесплатно. Все пока складывалось в настоящем, будущее тоже рисовало радужные перспективы. Если я успешно закончу танцевальный курс в Берлине, можно будет поступить там же в Академию танца. Закончить ее. И танцевать, танцевать, танцевать!.. Так мне виделось будущее из февраля 2014 —го.

Накануне отъезда я получила эсэмэску от Эдика:

«Не надо бояться. Я рад твоей смелости. Рад, что делаешь то, о чем мечтаешь, и чего хочется душе. Если возникнут проблемы – пиши».

Добрая душа. Он не обижался на меня. Наверное, он на самом деле гений.

6

Самолет в Берлин улетал рано утром. Таможенник в Пулково долго возился с моими документами: он хотел увидеть обратный билет. Билета не было. Я уезжала, не зная, когда вернусь в Россию. Обошлось. Пропустили в самолет. Родители стояли у выхода в зону вылета. Уходя, я оглянулась: они махали мне вслед, у них были светлые лица, а мне хотелось плакать.

В аэропорту Берлина обошлось без эксцессов. Немцы не хотели, чтобы их заподозрили в антисемитизме. Они не задали ни одного вопроса.

В Берлине было минус семь, без солнца, прохладный ветер. Я купила билет и на электричке отправилась из аэропорта в город. Теперь, оглядываясь назад, я не могу вспомнить ничего из первых часов пребывания в Германии. Только тяжесть чемодана, когда я поднималась – где это было? – по лестнице. Стук чемоданных колес по асфальту элитного района Шарлоттенбург, где люди ездили на такси и не таскали тяжелые сумки по брусчатке. Ха-ха.

«Есть ли солнце? – спрашивали родители, – Хорошего дня!»

«Я заболела и ушла пораньше домой, но мои коллеги в курсе, ключи у них, – написала Саша, у которой Олеся оставила ключи от своей берлинской квартиры, где я должна была провести ближайший месяц, – Большой ключ – от входной двери. Пройдете парадную насквозь и выйдете во внутренний дворик. Средний ключ от двери квартиры, она сразу слева».

И потом:

«Сразу закройте дверь, чтобы Васят не выскочил»

Васят был рыжим котом, наглым хозяином уютной берлинской квартирki – со вкусом обставленного, холостяцкого девчачьего гнездышка. Именно он был чуть ли не единственным существом, с которым я в те дни могла поговорить по-русски, не зная даже, понимает ли он меня – ведь он был немецким котом. Но каков это был наглец и сумасброд! Я и предположить не могла! Хотя до отъезда я получила от Олеси большое письмо-инструкцию по обращению с этим чудовищем.

Чертяка! Он нападал на меня! Каждый раз перед уходом мне приходилось брать его на руки и сильным движением закидывать подальше в комнату, чтобы кот не выскочил вслед за мной из квартиры. Я очень люблю животных, но он был ужасен!

Он был прекрасен, если верить словам его хозяйки:

«Самое главное: в квартире живёт Васят. Посмотрите на него, фотография в приложении. Не любить Васята невозможно. Он нежен, невероятно ласков, рыж и прекрасен со всех сторон. Неприхотлив, но любвеобилен и шкодлив. Уходя из дома, не оставляйте его в комнате. Вам нужно исхитриться выйти из квартиры так, чтобы он не рванул на лестничную клетку. В общем, информацию о Василисе я Вам выдам отдельно, когда договоримся принципиально. Квартиру свою я обычно не сдаю, но поскольку Вы – сестра моей приятельницы и, по словам Маши, очень любите животных, мне, конечно, чем сдавать кота в пансион, гораздо лучше будет оставить его в привычной обстановке под присмотром дружески настроенного человека».

Дружески настроенным человеком была я:). Несколько раз за время нашего совместного проживания с Васятом мною овладевали сомнения относительно этого утверждения. Бывали моменты, когда мне хотелось прибить это чудовище. Но Олеся любила его:

«Васят норовит забраться, куда только можно. Вы имейте это в виду, и не пускайте его на плиту, когда она включена, чтобы не обжёгся, и в раковину, когда сливаете кипяток, чтобы не ошпарился, а то будете наблюдать вертикальный взлёт кота под потолок, а потом вместе с ним зализывать ожоги. Он любопытен непомерно и всюду сует свой нос. Кстати, в ванную комнату, когда Вы хотите принять душ, лучше его тоже не пускать – он норовит взгромоздиться на край ванны, а когда в неё падает, визжит, царапается и пулей вылетает наружу, снося всё на своём пути. Ощущения так себе, хотя смешно, конечно))»

Честно скажу, я не стала испытывать эти ощущения на себе.

«Уходя из дома выдворяйте его, пожалуйста, из комнаты, – продолжала Олеся. – Он себя пару раз дискредитировал, изодрав кровать и надув лужу, и с тех пор без присмотра я его там не оставляю. Собственно, кровать накрыта покрывалом, чтобы он её не драл. Вы её тоже, пожалуйста, закрывайте, дабы кожаные боковины ему не были доступны. Унитаз лучше держать закрытым, иначе он из него пьёт и мокрыми лапами топчется потом повсюду, в том числе, по телу и лицу. Само по себе это очень приятно, но не после унитаза».

Так оно и было. Вечерами, когда я укладывалась спать, кот топтался по моему лицу своими мягкими лапками, поджимая игриво коготки, потом укладывался на голове и прекрасно чувствовал себя до утра. Это было ужасно.

«Туалетную бумагу я прячу в нижний ящик шкафчика рядом с унитазом. Можно бы и повесить, конечно, но он её разматывает по всему дому. Весело, когда повсюду стелется такой серпантин, но утомительно собирать и не напасть на бумагу. Рядом с унитазом есть совок со щёткой – очень полезные предметы, когда Вася из своего кошачьего туалета выгребает „катсан“. Будет здорово, если Вы будете раз в неделю полностью менять содержимое его туалета, иначе пахнет сильно».

В дальнейшем я не отступила от этой части инструкции ни на йоту, потому что терпеть не могу кошачий запах в квартире.

«По опыту первой совместной ночи Вы сделаете вывод, нравится ли Вам, когда котя спит у Вас на голове, потом на животе, потом в ногах, потом ещё где-нибудь, а часов в восемь утра начинает Вас будить, тыча розовым мокрым носом Вам в лицо. Мне всё это уже давно нравится, поэтому Вась спит со мной, но я понимаю, что не все такие извращенцы и предпочитают нормально высыпаться, поэтому пойму Вас, если Вы решите выставлять его на ночь за дверь комнаты. Он, конечно, будет недоволен, но притерпится».

Борьба с Васятом за крепкий ночной сон продолжалась все время моего пребывания в Берлине. В первую ночь за дверьми спальни он вопил, как резанный. Утром я встала не выспавшаяся и злая. Следующую ночь он спал со мной, временами прямо на моей голове. Нестерпимо. В дальнейшем победа в этом противостоянии переходила от него ко мне и обратно. У нас у обоих обнаружился крепкий характер и запас терпения, чтобы получать в результате небольшие, но приятные выигрыши. Со временем мы стали уважать друг друга, видя в другой стороне достойного противника.

«Кормить его лучше всего так: с утра выдавать порцию «мокрого» корма, а на день в другую миску насыпать побольше сухого. Он в течение дня съедает консерву и догоняется сухарями. Консервы разные, Вась будет Вам признателен, если Вы будете их чередовать. Есть одно и то же каждый день ему не очень прикольно.

Не пугайтесь, когда увидите, как он обглаживает цветы на подоконниках. Мы с цветами уже давно с этим смирились. Вот чего мы не любим очень, это когда он их начинает выкапывать из горшков и раскидывать землю вокруг. За это надо как-то наказывать. Типа, прикрикнуть, согнать с подоконника и шлёпнуть».

На самом деле, это был серьезный вопрос – кормление кота. Животные бывают очень привередливыми в отсутствие хозяев. Порой скучают или плохо себя чувствуют и тогда не хотят брать корм из чужих рук. К счастью, Васят оказался психологически устойчив и морально крепок. За время нашей с ним совместной жизни он нисколько не похудел и не осунулся. А его рыжая, наглая, круглая морда так и светилась довольством. Цветы он жрал, кормами тоже не брезговал. То есть, в избытке получал все питательные вещества, микроэлементы и витамины.) Олеся, надеюсь, осталась довольна. Ее рекомендации соблюдались очень точно. И не только те, что касались кормления зверя:

«В комнате на подоконник лучше не вставать, возьмите табуретку и встаньте на неё, чтобы открыть верхнюю раму. Васят будет проситься залезть туда, он так гуляет. На улицу до сих пор не выпрыгивал, но, кто его знает, что ему в голову взбредёт, лучше, конечно, пасти, чтобы не сиганул во двор. Выходя из квартиры и входя в неё помните, что он ловок и хитёр и всё время ломится наружу, так что входить нужно преграждая ему путь сумкой, например, а уходя лучше взять на руки и закинуть внутрь, быстро закрыв при этом дверь. Только не прищемите ему лапы, пожалуйста. Я сегодня перед отъездом опять гонялась за ним вверх-вниз: вырвался, не хотел, чтобы я уезжала: о)»

Олеся очень беспокоилась. Она постаралась предусмотреть все возможные варианты событий и случайности, которые могут нанести даже незначительный урон ее любимцу:

«Самое главное: Васечку можно и нужно брать на руки, обнимать, целовать и гладить. Он очень это любит. Он вообще золотой котик, очень ласковый и нежный. Уверена, Вам понравится проводить с ним время!»

Кот оказался настоящим стихийным бедствием. Были минуты, когда я... Нет, лучше не надо об этом.

И все же, все же: когда я возвращалась домой, я была рада, что хоть одна живая душа ждет меня в чужом огромном городе. Теперь я отчасти понимала Олеся.

7

Так начался мой Берлин – с танцами, длительными пешими прогулками в целях экономии, одиночеством и ностальгией. Родители слали мне слова поддержки. Слава и Лиза ободряли, как могли. Эдик сочинил лирическую поэму, очень талантливую, на мой взгляд. Я много занималась, боролась с котом, исследовала Берлин и окрестности. И скучала. Мне не хватало общения. Не хватало подруг, друзей, родителей, возможности посидеть с близким человеком в кафе и поболтать ни о чем. Мне нужно было срочно налаживать отношения с окружающими, но не было времени, сил и желания. И в какой-то момент, как со мной это обычно бывает даже в самой интересной точке мира, меня начало заедать однообразие. В такие минуты на меня накатывают меланхолия и тоска. И хочется опять что-то поменять.

А время было необыкновенное. Каждый день кроме воскресенья, я преодолевала четыре километра пешком – мой путь до Академии танца. Там мы изучали несколько танцевальных направлений, по два разных стиля ежедневно, с постепенно нарастающей интенсивностью. Девочки в академии собрались со всей Европы, и некоторые были очень талантливы и хорошо подготовлены. Преподаватели говорили на разных языках: были двое израильтян, англичанка, немцы, француз. Здесь, в Берлине, я полюбила джаз и возненавидела классический балет. Навсегда. Педагогом по классике была строгая англичанка, которая никогда не хвалила нас, и, мне кажется, смотрела на наши недисциплинированные руки, ноги и спины с недоумением, граничащим с ужасом.

Вечером – обратная дорога домой, которую делишь на небольшие отрезки, чтобы не таким долгим казался путь. И Васята, нетерпеливо ожидающий меня в квартире. Радость моя! Мой кошмар!

Мне предстояло учиться на курсах еще четыре месяца, как минимум. До июля. Потом при хорошем раскладе я могла задержаться в Берлине еще на три года, взяв профессиональный трехгодичный курс, который сделал бы из меня разностороннего танцора. Но для этого мне необходимо было найти работу и определиться с жильем. Время шло. Работы не было. Я закидывала объявления на все русскоязычные сайты. Безответно. Я сэкономила и опять искала. Ни одного отклика. Настрой жить и учиться в Берлине ослабевал.

Скоро возвращалась из командировки Олеся. Значит, нужно будет освобождать квартиру. Я искала жилье. Просматривала объявления по аренде и пыталась пристроиться в студенческие общежития. Тишина была такая, будто я оглохла. Денег хватало только-только, на самое необходимое и учебу.

Вокруг меня были люди, к которым можно было бы обратиться за помощью, но я пыталась все сделать сама. Сама. Это было ошибкой. Я поняла позже, как много могла бы получить, совсем не затрудняя знакомых людей, просто обратившись к ним за советом. Но дни шли, а я находилась все в той же точке, из которой не видно было моего будущего в Германии.

8

В Берлин пришла весна. Март. Солнце. Красота. Но я была одна. Никого и ничего. Здесь даже птицы пели по-немецки. Одиночество тяготило меня все больше. Подкралась хандра. Позже я заметила, что хандра приходит ко мне каждый год в одно и то же время. Я начинаю делать какие-то судорожные движения, совершать необдуманные поступки. Оставаться в расцветающем весной Берлине одной, без жилья и работы, не было никакой возможности, – так я чувствовала в тот момент. Домой, в Питер, возвращаться не хотелось. Это выглядело бы как поражение. Я готова была ухватиться за любое предложение.

«Катюш, привет, может, выйдем на связь сегодня. Я пребываю в легкой панике – не могу найти жилье, – написала я подруге в Израиль. – Хочется поболтать с понимающим человеком=)). Вообще, в последние три дня есть желание все бросить и свалить. Извини, что я к тебе со своими проблемами».

Катя ответила в тот же день:

«Приезжай ко мне, в случае чего;) У меня теперь отдельная комната. Я тебя приму с распростертыми объятиями».

Этот призыв показался мне в тот момент спасением. От проблем, от одиночества, от себя. Но я еще сопротивлялась соблазну свернуть с намеченного пути. Еще несколько дней я двигалась в выбранном месяц назад направлении, постоянно держа в голове Катино предложение. А потом... взяла и купила билет до Тель-Авива.

В то же день – о, ирония судьбы! – я получила два приглашения на работу. Классический расклад: как только я решаюсь на какой-то важный шаг, судьба немедленно подкидывает мне другие соблазнительные варианты. Но я уже сделала выбор! Поздно, старушка Европа! Теплый, дружеский Тель-Авив ждал меня.

Катя не встретила меня в аэропорту: в этот день она работала допоздна. Молодой, симпатичный, черноглазый таксист посадил в машину меня и еще одного респектабельного господина, как оказалось, американца. Американец направлялся в дорожный отель в Тель-Авиве, а я – в Раанану, пригород Тель-Авива, где в то время жила Катя. Таксист был очень приветлив и, высаживая меня в условленном месте в Раанане, попросил телефон. Это, казалось бы, рядовое событие безмерно обрадовало меня. Вот чем отличается чудесный Тель-Авив от холодного Берлина. Мужчины нормально реагируют на женщин и не боятся обидеть их своим вниманием. Печально, что местного номера у меня тогда еще не было. Увы. А парнишка был хорош. Работал и заочно учился в Университете.

Итак, я стояла с чемоданом, на центральной площади Раананы, перед культурным центром. Вечерело, было тепло, оглушающее пахли какие-то тропические цветы и звенели цикады. На площади тусовались подростки, которых я опасалась еще с тех самых пор... Со времен своего первого пришествия в Израиль в десятилетнем возрасте. Кати не было.

«Аня, мы встречаем тебя на железнодорожной станции в Герцлии», – написала Катя.

«Я стою в центре Раананы, на углу Яд-а-Баним и что-то там Бен Гурион»

«Мы на кикаре, подходи к остановке», – написала Катя через двадцать минут.

«Я тоже на кикаре»

«Подходи к ступенькам, где тусит молодежь»

Я подошла к ступенькам, и увидела Катю. Она приехала веселая, бодрая, со своим другом Женей. Она накинулась на меня, как бабушка Карлсона на своего внука, обнимала, тормошила, оглядывала, удивлялась моему бледному виду. Моя подруга Катя!!! =)) Я была счастлива.

Катино общежитие в Раанане окружали пальмы и цветы. Дивный сад, наполненный ночными запахами и звуками. В саду стояли белые, в средиземноморском стиле, двух-трех-четырехэтажные здания. Внутри было пусто и неудобно: белые стены и каменные плиточные полы. После Олесиной любовно обставленной квартирki, здесь было совсем простенько. Радовало то, что на следующий день Катя покидала это место. Ульпан заканчивался, и нужно было начинать самостоятельную жизнь в Израиле. Работа, съемная квартира. На самом деле, это очень непросто.

На следующий день мы с Катей выехали из общежития, забросили вещи в Ор-Акиву, к Мише, Катиному брату, и отправились в Нетанию, где Катя планировала снять жилье на ближайший год. Нетания – большой город, и здесь проще найти работу, чем в каком-нибудь маленьком поселении, в Ор-Акиве, к примеру. Миша снимал в Ор-Акиве большой дом на четыре комнаты вместе с друзьями.

Вечером того же дня мы с Катей вернулись из Нетании в Ор-Акиву. Усталые, сидели на старом диване перед домом, ребята расспрашивали меня о приключениях в Берлине, я рассказывала подробно и свободно, будто была знакома с ними целую вечность. В какой-то момент с шумом отодвинулись жалюзи на окне, и появился заспанный Миша. Я видела его раньше один раз, лет десять назад, совсем пацаном. Теперь в окне торчал симпатичный молодой человек.

«Ого, он совсем не плох, – подумала я, встретившись с ним взглядом, – Из этого может что-то получиться».

Мне кажется, Мише в ту минуту в голову пришла та же самая мысль. Немного погодя он присоединился к нашей компании и вместе со всеми стал подробно расспрашивать меня о Германии. Я рассказывала с воодушевлением, все больше и больше увлекаясь и находя все новые смешные и мрачные краски в оставшейся позади жизни. Рыжее чудовище Васят скоро стал всеобщим любимцем, а мои ежедневные длительные походы по Берлину вызвали всеобщее уважение: в Израиле люди много ездят, но мало ходят.

Я давно уже не сталкивалась... Нет, не так! Я ни разу не сталкивалась с таким количеством симпатичных и живо интересующихся мной ребят! Это было очень приятно. После длительного берлинского одиночества, тем более.

«Это Израиль, детка!» – помню, с радостью сказала я себе.

И понеслось! Комната в трехкомнатной квартире, которую мы нашли для Кати, была не так плоха, если бы не соседи, которые портили жизнь себе, Кате, мне и всем окружающим. Их изобретательность в этом вопросе не имела предела. Из-за не потушенного света в ванной или капли на электрической плите они страдали сами и заставляли страдать всех, кто находился рядом. Они спорили, ссорились, возможно, дрались и строили всякие козни нам.

Через неделю после переезда в Нетанию Катя нашла работу в маленьком магазинчике одежды, на кассе. Хозяин был, конечно, порядочной скотиной, но как перевалочный пункт

на пути в светлое будущее эта место вполне подходило. Медицинская страховка, счет в банке. Все эти проблемы легко можно было разрулить, потому что тогда это были не мои проблемы.

Я решила остаться. Все здесь было по мне. Все понятно. Нужно было только найти работу.

9

Это был мой первый выезд в Тель-Авив. Накануне я выписала адреса десятка туристических фирм и теперь решила пройтись по ним – попытать счастья. Звонить не имело смысла, важен был личный контакт.

Я заблудилась в самом начале списка. Вышла из автобуса и пошла, как оказалось, в противоположную сторону.

– Скажи, где находится эта улица? – спросила я у красавца на мотороллере, паркующегося у обочины.

Он широко улыбнулся.

– О-о! Какие красивые глаза! И какая очаровательная улыбка... – сказал он. – До этого места нужно ехать. Пешком не дойти. Очень далеко. Давай выпьем кофе, и я подвезу тебя.

Великолепное предложение, что тут говорить, но я спешила.

– Тогда дай мне твой телефон, я позвоню позже, чтобы узнать, как у тебя дела, – сказал он.

О, черт! Какой облом! У меня еще не было местного номера! Так я профукала очень красивого молодого человека в первый же день пребывания в Тель-Авиве! Он, конечно же, не поверил и, наверно, обиделся.

Я пошла в указанном направлении и минут через двадцать заблудилась снова. Было очень жарко. Март! Я зашла в прохладное кафе, взяла холодный кофе, отпила несколько глотков и почувствовала себя лучше.

Напишу-ка я Мише, он как раз в сети, решила я. Какое счастье, что старенький планшет всегда со мной, и Wi-Fi есть практически в каждой кафешке Тель-Авива!

«Привет, почему не на работе? =))» – написала я.

«Привет. Кто сказал, что я не на работе?»

«Так ты не работаешь, а сидишь он-лайн. А как же пахать на благо отечества?»

«А я обещал пахать на благо отечества? По-моему, я работаю на благо своего кармана», – отозвался Миша.

«На благо кармана – это не обсуждается. Тогда работай, не отвлекаю».

«Так ты меня, в общем-то, и не отвлекаешь, – Миша не прочь был пообщаться. – К тебе, собственно, тот же вопрос: почему не на работе?»

«Я двигаюсь в направлении работы, точнее, пытаюсь... У меня Гуглмэпс не работает =). Сижу в какой-то кафешке в Тель-Авиве, стараюсь понять, куда мне идти дальше=)»

«Аха=), – умилился Миша, – Так скачай Waze».

«Так и знала, что порадую тебя. Что за Waze?»

«Это навигатор. Он вообще-то для машин, но и для пешеходов тоже подходит».

«Так... Сейчас поищу. Спасибо!»

«С тебя мороженое за совет! =)»

«Договорились. Какое? =)»

«Не знаю... =) Может быть, шоколадное?»

«Хорошо =)»

«А почему в Тель-Авиве? Далеко до работы будет добираться»

«В Тель-Авиве школа танцев, даже две, в которых я хочу заниматься. Да и жилье искать здесь буду. Чтобы не мотаться».

«Так ты там хочешь преподавать или учиться?»

«Учиться»

«А сейчас ты по поводу работы идешь?»

«Да, наметила несколько мест, если дойду»

«Что за работа?»

«Нашла пару русскоязычных турагенств... Waze скачала, но он, зараза, не работает...») Что мы там говорили про мороженое? =Р»

«Ну что ж, Waze подвел...») Видимо, не угостишь меня...=)»

«Зато Гуглмэпс реабилитировал себя».

«Ай да Гуглмэпс, ай да молодец=))»

И я пошла дальше. И еще долго ходила по жаркому городу. И дошла до разных интересных мест. Мишино благословение оказалось счастливым. Где-то с пятой попытки я оказалась там, где надо. Это было турагентство. Его хозяин, Петр Анатольевич, как оказалось в ходе беседы, был родом из Питера. Очень добродушный и приятный мужчина. Он с интересом слушал меня, расспрашивал, что я знаю и могу, и я очень скоро почувствовала, что понравилась ему, и он про себя уже решил вопрос в мою пользу. Компьютерщик Сережа, сидевший в том же кабинете, поддержал мою кандидатуру.

– Кто-то же должен пополнять отельную базу. – сказал он.

Петр Анатольевич позвал жену Марину из соседней комнаты.

– Хочу взять девочку заполнять базу отелей, – сказал он жене.

– Почему нет, – согласилась Марина, – Жалко, что не мальчик.

– Вот и хорошо. Выходи завтра к десяти часам, – сказал мой новый начальник, – Пойдем, я познакомлю тебя с нашими сотрудниками.

Он повел меня в соседнюю комнату, где сидело, по меньшей мере, пять женщин разного возраста.

– Это Аня, – представил он меня. – Она будет вместо Светы: авиабилеты плюс отельная база. Прошу любить и жаловать.

Света находилась здесь же и была уже настолько беременна, что непонятно было, как она высиживает целый день на своем рабочем месте. Кроме Светы рожать собирались еще несколько сотрудниц... Среди из них – Алина, на которой держалась работа всей турфирмы. Просто тотальная беременность в отдельно взятом офисе. Интересная картина, ничего не скажешь.

На следующий день я, счастливая, вышла на работу. Замечательное место. Центр Тель-Авива. Пусть и утомительная, но квалифицированная работа – не завод и не магазин, где чаще всего оказываются вновь прибывшие в Израиль россияне. И пусть деньги были на исходе, а до зарплаты еще далеко, но я отметила первый рабочий день чашечкой кофе в близлежащем Макдональдсе.

10

Пятница в Израиле – короткий день. После работы мы встретились с Катей, чтобы вместе поехать в Ор-Акиву. Но пока шли на остановку автобуса, поссорились насмерть. О причине говорить не стану. Виноваты были обе стороны.

Катя ушла на автобус, а я – грустная – осталась сидеть на скамейке. Но ведь я так хотела поехать к ребятам в гости! Мне так понравилась атмосфера в их доме. Их внимание, их шутки. И вот теперь Катя уехала, а я осталась одна. Наверное, у меня был очень расстроенный вид, потому что проходивший мимо дедушка – из русских, которые уже очень давно живут в Израиле, остановился рядом и угостил меня конфеткой. Я чуть не расплакалась. Что теперь делать, я не знала.

Хорошо, хоть планшет был со мной. Какая-то связь с миром еще сохранялась. А, значит, оставалась надежда. Через некоторое время – видимо, Катя добралась до места – написал Миша:

«Але, ма кара? (Что случилось?)»

«В смысле?»

«Ты где?»

«На солнышке. Не переживай, мороженое свое ты получишь=)»

«Так Waze же не заработал...=)»

«Мы договаривались – за совет=)»

«А... Ну тогда шоколадное=)»

«Мог и не напоминать=)»

«Шоколадное!=) ... Солнышко, кстати, в Ор-Аквиве тоже есть. Давай, приезжай»

«Пусть только меня Катя сильно не лупит =)»

«Не будет=)»

Я отправилась на Центральную автостанцию, дождалась своего автобуса и поехала к ребятам. В Ор-Аквиве я зашла в магазин и купила Мише мороженое. Шоколадное. Самое вкусное!

Миша с Катей вышли встретить меня, но мы разминулись, и до дома ребят я добиралась сама, не очень хорошо помня дорогу, обходными путями, напряженно выискивая знакомые ориентиры. Все сложилось, я была на месте раньше них!

Это были веселые выходные! Разговоры, шутки, гости целый день. Оторвался от своего компьютера и чипсов Гриша, один из Мишиных соседей и тоже с радостью втянулся в шабатную круговерть. Миша оказывал мне недвусмысленные знаки внимания. Очаровательный чертяка! Но я пока держалась. Мы были еще так мало знакомы! И потом, это был брат моей лучшей подруги. А я знаю Катин характер! Миша был разочарован, ему хотелось большего. При малейшей возможности он пытался уединиться со мной, чтобы перейти к активным действиям. Это девушки получают удовольствие от легкого флирта, от коротких взглядов, полуулыбок, нежных слов, у мужчин все конкретнее.

Миша работал в ночь. Около десяти он собрался. Я вызвалась проводить его. Сели на велосипед, и выдвинулись в сторону работы...

По возвращении я нашла в планшете эсэмэску от Миши:

«Я зря это сделал...?»

«Не зря, уже хотя бы потому, что проверил»

«Просто рановато?»

«Просто, пока непонятно»

«Что непонятно? Понятно, что ничего не понятно?»

«Примерно так»

«ОК»

«Не бери в голову»

«Не беру. Но как понять? У тебя есть парень?»

«Нет».

«Я немного тебе нравлюсь?»

«Да».

«Ну вот, теперь понятно. Я на твоём месте позволил бы себя поцеловать».

«Ты целуешься со всеми, кто тебе нравится?»

«Нет. А ты как думаешь? А ты?»

«И я нет»

«Вот и я нет»

«Аха=) Но если бы все, кто мне нравится, сами бы лезли целоваться, я бы не отказывал. ОК, а когда захочешь?»

«Когда я захочу, ты об этом узнаешь первым»

«Ну, хорошо хоть, что первым...=). А как я об этом узнаю?=)»

«Как—нибудь, да узнаешь»

«ОК=). Давай для проверки: Сейчас не хочешь?»

«Сейчас нет=)»

«Ах-ха=) Вот коза=)»

После этого мы с Мишей и сошлись. Нам казалось, что мы хорошо скрываемся, что никто ничего не замечает. Ребята, спасибо им, подыгрывали нам.

11

Израиль – замечательное место для иностранок. Все женщины, чуть более светлые, чем брюнетки, а особенно, имеющие светлые глаза, пользуются здесь постоянным вниманием. Даже если на работе у меня выдавался нелегкий день, прогулка до остановки автобуса восстанавливала силы и уверенность в себе. Мир прекрасен! В нем царствует красота! И многие готовы оценить ее по достоинству! Столько восхищенных взглядов и комплиментов от мужчин в Питере не получишь и за год. В Израиле только за один вечер можно восполнить этот пробел.

А солнце, больше полгода не покидающее небо – только на ночь! А море, которое выслушает все твои жалобы и вернет доброе расположение духа! А люди, празднично сидящие вечерами в кафе. Мужчины и женщины, улыбающиеся просто так, ни с чего. Уже на третий день пребывания здесь я почувствовала, как расслабилось лицо, и улыбка прочно обосновалась на нем.

В шесть часов вечера я выходила из офиса на улицу Алленби, проходила мимо маленьких магазинчиков «Все для туриста», видела в конце улочки, примыкающей к Алленби, море, которое звало и манило. Из кафешек пахло настоящим арабским кофе, приготовленном на горячем песке. Каждый раз, когда я шла по улицам до остановки, ко мне подкатывал какой-нибудь красавчик с незамысловатым комплиментом про красивые глаза и улыбку. Ничего нового, но как приятно. Куча предложений – сходить, созвониться, посидеть в кафе. После сдержанного Берлина, я просто купалась в этом море обожания и открытого выражения чувств!

В первое время, пока я жила у Кати, вечерами, после рабочего дня, я не задерживалась в Тель-Авиве, а ехала сразу в Нетанию. Там мы подолгу гуляли в душевной, наполненной цветочными ароматами и южными звуками темноте. Дома у Кати было беспокойно. Ее соседи никак не могли договориться ни между собой, ни с окружающим миром – спорили, ругались, скандалили. Они не видели той красоты и радости, в которой купалась в то время я, как в море. Они решали проблемы. Как многие эмигранты из России: искали работу, работали тяжело и получали немного, экономили, пытались спланировать свое будущее. Я жила, как птица, одним днем. И этот день был счастливым.

Утром я с удовольствием уезжала на работу в турфирму, вечером с удовольствием возвращалась с работы домой. Иногда заходила на пляж и сидела на берегу, слушая море. На выходные ездила в Ор-Акиву, где всегда весело проводила время с ребятами. Легкие, ни к чему не обязывающие отношения с Мишей тоже были в радость.

Пару недель спустя я поняла, что оставаться у Кати в Нетании нет больше никакой возможности. Соседи всеми силами старались выпроводить меня, придумывая самые разные предлоги. Я им мешала. Катя разрывалась между двух огней. Нужно было искать жилье. Помогли старые связи. Брат связался со своим приятелем в Ариэле. У того как раз была потребность в деньгах и возможность – пока жена ходила беременной вторым ребенком – сдать одну комнату в большом двухэтажном доме. В доме было четыре спальни и салон-гостиная-кухня. Мне выделили одну спальню, в которой в дальнейшем, после рождения брата, должен был жить двухлетний Адам – старший сын Иры и Димы, хозяев дома. В другой спальне, переделанной из бомбоубежища – а в Израиле в каждом доме есть помещение, куда можно спрятаться в случае бомбежки – обитала Люба, мама Иры. А еще в одной – Сергей – Ирин брат.

В этот дом каждую пятницу приходило много гостей, играли в покер и крокодила, смеялись, шутили, пели, жарили шашлыки. Это были родственники и друзья Диминой тещи – сплошь веселые и интересные люди.

Меня приняли хорошо. А благодаря тому, что я немного времени проводила в Ариэле и не успевала надоест хозяевам гостеприимного дома, меня полюбили еще больше. В семь утра я уезжала на работу, в восемь – начале девятого вечера возвращалась обратно, почти каждые выходные проводила у ребят, в Ор-Акиве.

12

Именно в это время и произошла встреча, которая сначала показалась мне рядовой и малоинтересной, но потом выросла в огромное нечто, чему я и сегодня не могу дать точное определение. Эта встреча определяла нынешнее мое настроение.

Я возвращалась с работы по бульвару Ротшильда. Стоял теплый израильский апрельский вечер. Было жарко. Я зашла в Макдональдс выпить кофе. Сидела в маленьком полупустом зале и переписывалась с Мишей. Кто-то вошел в дверь и остановился возле моего столика с пакетиком картошки фри в руках. Приятный молодой человек, из местных.

– Можно мне присесть рядом?, – коротко спросил он по-английски после того, как выдал целую тираду на иврите, из которой я мало, что поняла.

– Да, конечно, – ответила я, на мгновенье отвлекаясь от планшета.

Он что-то спросил, я ответила. Поболтали ни о чем. Он был совершенно обычным, веселым парнем. Ничего особенного. Мне позвонили, это была мама. Поговорила с ней. Молодой человек сидел рядом. Я допила кофе и собралась уходить. Он предложил подвезти. Подбросил меня до остановки сто восемьдесят шестого автобуса, на котором я вот уже две недели ездила в Ариэль, попросил телефон. Почему нет? Это меня ни к чему не обязывало. Пока мы ехали, парень много говорил, смеялся. Его звали Дан? Или Рон – чисто израильское имя. Он звал пойти посидеть в пабе, но у Димы сегодня был день рождения, и, кроме того, мне не хотелось сидеть в пабе с незнакомыми людьми. Встречаться с этим Даном-Роном я не собиралась, потому что испытывала симпатию, или что-то большее к Мише. Пока нужно было разобраться с этим. Мы попрощались и расстались, как я думала, навсегда.

Первое сообщение от Дана я получила на следующее утро. Он писал по-английски:

«Доброе утро, Ариэль!!=»».

Спустя полгода он признался, что накануне так и не смог запомнить мое имя.

«Как прошла вечеринка?»»

Я не ответила, потому что на телефоне не было денег.

Через неделю он позвонил, но я опять не смогла ответить, потому что находилась на работе, и мне было не очень удобно общаться. Я написала позже:

«Привет. Очень сожалею, что не смогла перезвонить»».

Он ответил мне уже ночью:

«Это безобразие=). Тебе придется компенсировать свое невнимание романтическим свиданием!=)»»

«Посмотрим =)»», – парировала я.

На следующий день я много писала Мише, а он мне. Мы никак не могли разобраться в своих взаимоотношениях, перекидывались сообщениями непрерывно и все время подшучивали друг над другом.

«Хэй, принцесса! – написал мне вечером Дан, – Я чувствую, что очень хочу сегодня с тобой увидеться»».

«Привет! Я смогу только на следующей неделе= (»».

«Это так долго!!= (Я надеюсь, что к тому времени еще не забуду, какая ты красивая»»

Это был суперактивный день телефонно-эсмэсного общения:

«Хэй, принцесса Анна, как дела?»», – писал мне лысый молодой человек из местных, с которым я не так давно познакомилась – трудно представить! – на пешеходном переходе в Тель-Авиве. Я шла на остановку автобуса после работы. Он двигался мне навстречу. Развер-

нулся и пошел следом. Мы выпили с ним кофе в кафе неподалеку, поболтали ни о чем. А потом я, сославшись на занятость, заторопилась на остановку в Ариэль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.